ТРЕТiЙ РАБОЧiЙ ДЕНЬ.

СКУЧНЫЙ ДЕНЬ.

— Сегодня будетъ скучный день, говорилъ Миша, повѣся голову на руки и упираясь локтями на столъ. Сегодня будетъ скучно, повторялъ онъ чуть не плача, и скользя локтями по столу, обходилъ его съ конца въ конецъ. Я ужь навѣрно знаю, что всѣмъ будетъ очень скучно!

— Миша, да перестань! закричала Саша, которую дурное расположенiе брата всегда приводило въ тоску.

— Я ужь навѣрно знаю, что намъ всѣмъ будетъ скучно, жалобно и сердито говорилъ мальчикъ, покачивая головою.

— Бабушка, не вели ему скучать! вспыльчиво сказала дѣвочка.

Бабушка, которая поджидала на сегодняшнiй сборный день внучатъ, и заготовляла имъ работу, вдругъ подняла на дѣтей глаза и, пристально посмотрѣвъ на того и другаго, спросила, обращаясь къ

Сашѣ: — Ты думаешь, можно запретить скучать?

Сашу смутилъ вопросъ этотъ. — Нѣтъ, мой другъ, продолжала старушка, можно запретить кричать, пищать или ѣздить на локтяхъ по столу и тѣмъ пачкать рукава рубашки, но запретить скучать или радоваться — нельзя.

При этихъ словахъ Миша тихонько поднялъ локти и, поглядѣвъ на нихъ, опустилъ руки со стола и началъ прислушиваться, почему бабушка не можетъ запретить ему скучать.

Помолчавъ немного, старушка спросила: — Когда ты скучаешь, Саша, то что тогда дѣлаешь?

— Я, бабушка, тогда ничего не дѣлаю.

— Отъ того–то и скучаешь, что ничего не дѣлаешь.

— Да мнѣ тогда, бабушенька, ничего не хочется дѣлать, ни бѣгать, ни играть, ни смотрѣть, мнѣ всей скучно!

— Однако, подумай хорошенько, Саша, чему же болѣе скучно, ногамъ, рукамъ или глазамъ твоимъ?

— Нѣтъ, бабушенька, мнѣ — во мнѣ скучно!

Взглянувъ мимоходомъ на внука, бабушка замѣтила, что онъ однѣхъ мыслей съ сестрой о скукѣ. Старушка повторила послѣднія Сашины слова: «тебѣ въ себѣ, внутри себя скучно» — вотъ этому–то нутру человѣка, которое то радуется, то думаетъ, то скучаетъ, другой человѣкъ приказывать не можетъ, этому–то нутру своему, или самому себѣ, только самъ человѣкъ и можетъ приказывать, а не иной кто.

Вотъ хоть бы теперь Миша, онъ только одинъ можетъ приказать себѣ не скучать.

— Какъ! закричали дѣти, ни ты, ни папа, ни мама, не можете намъ приказать?

— Нѣтъ, не можемъ, да и не станемъ приказывать того, чего нельзя исполнить; мы запрещаемъ вамъ: шалить, ссориться, обижать друга друга, громко плакать, хотѣть сердиться, хотѣть скучать. Мы запрещаемъ дѣлать, а чувствовать и думать внутри себя никто никому приказать или заказать не можетъ.

Дѣти задумались, имъ и въ голову не приходило въ какомъ просторѣ живетъ душа человѣка съ самаго, дѣтства его.

Но Сашѣ было это странно, отчего ни отецъ, ни мать, ни бабушка не могутъ приказать дѣтямъ, что бы то ни было.

— Постой, дружокъ, мы это дѣло вотъ какъ повернемъ: ты любишь прыгать на одной ножкѣ, взявшись съ Мишей за руки, и вы часто забавляетесь этимъ; когда же я васъ остановлю, сказавъ: полно, дѣти, будетъ такъ играть, вы мнѣ всю голову разстучали, то вѣдь вы въ туже минуту перестаете?

— Да, конечно! закричали дѣти.

— Ну, а если бабушка скажетъ: — Саша, перестань, сердиться на братца, то можешь ли ты въ ту же минуту перестать сердиться?

Саша на минуту призадумалась....

— Нѣтъ, бабушка, она не перестаетъ, она долго молча про себя сердится, закричалъ Миша.

— Вотъ вамъ и разница между приказанiемъ дѣлать и чувствовать; дѣлу приказываютъ и пишутъ законы, нутру же

человѣка, т. е. чувству и уму совѣтуютъ и наставляютъ. Приказывать же чувству человѣкъ можетъ только самому себѣ. Хочешь, Миша, попробовать, прикажи себѣ не скучать?

— Хочу, бойко отвѣчалъ мальчикъ, который уже забылъ о предстоявшей скукѣ, но бабушкѣ было дѣло не столько въ развлеченіи ребенка, сколько въ томъ, чтобы съ–измалу показать дѣтямъ необъятный просторъ своеволія человѣка и пріучать ихъ управлять волею, т. е. самимъ собою.

— Напередъ всего, скажи мнѣ отчего ты скучаешь?

— Да вотъ, бабушка, папа опять не хочетъ разсказыватъ намъ о томъ, какъ они жили на острову!

— Почему же не хочетъ, вѣрно ему некогда?

— Онъ говоритъ, что некогда, что на весь день уѣдетъ, отвѣчалъ Миша, впадая снова въ свое расположеніе.

— Ну, стало быть этой бѣдѣ помочь ты не можешь, и сколько ни думай, все

останется по старому; но своему горю ты одинъ господинъ, захоти не скучать и не будешь; отгони отъ себя докучную мысль, задумай о чемъ нибудь другомъ, и какъ рукой сымешь скуку! Вотъ видишь, совѣтовать это я могу, а приказать тебѣ не скучать не могу!

— Бабушка, да вѣдь другое–то не думается, плаксиво отвѣчалъ мальчикъ.

— Знаю, очень знаю, дружокъ, что мысли бываютъ неотвязчивы, но потому–то и надо съ дѣтства привыкать справляться съ ними. Ты, кажется говорилъ, что всѣмъ будетъ скучно? Вотъ и подумай о томъ съ Сашей, какъ вамъ занять гостей своихъ послѣ работы, чтобы они не скучали.

Старушка любила развивать въ дѣтяхъ заботу о другихъ, и тѣмъ глушить молодое себялюбіе. Помолчавъ немного, Миша вопросительно поглядѣлъ на сестру, которая уже перебирала въ памяти свои любимыя игры. «Въ рыбки станемъ играть»! сказала она, вспомнивъ одинъ изъ святочныхъ вечеровъ, когда они съ няней

играли въ бѣлой комнатѣ, при мѣсячномъ освѣщеніи.

— Да, да, закричалъ Миша, прыгая передъ сестрой, и няничку возьмемъ играть съ нами, говорилъ онъ, припоминая, какъ няня, сидя на полу, ловила ихъ на удочку.

— Ну, а что же ты не скучаешь? спросила старушка.

— Не хочу! весело отвѣчалъ мальчикъ, взявшись за руки съ сестрой и прыгая на одной ножкѣ; эта игра у нихъ звалась: толочь сахаръ въ два песта.

— Не хочешь, повторила бабушка, видно я правду сказала, что ты воленъ въ себѣ, хотѣть скучать и хотѣть радоваться!

— Пра–а–авду, закричалъ Миша, прыгая въ мѣру и мѣняя подъ собою ноги, пра–а–вду!

За этимъ прыганіемъ и припѣвомъ, ни дѣти, ни бабушка не слышали другихъ дѣтскихъ голосовъ, которые шумно и радостно приближались по коридору; впереди всѣхъ вбѣжала раскраснѣвшаяся Лиза, держа высоко надъ головой сверточекъ, за нею, спотыкаясь и

расталкивая всѣхъ, вбѣжала маленькая Мери, крича: — Это Сережа, это Сережа, Лизѣ подарилъ! онъ самъ вчера купилъ, Лили, на свои деньги! Лиза совала бабушкѣ сверточекъ, Аля крѣпко прижималась къ старушкѣ, цѣлуя и обнимая ее. Лина въ третій разъ уже низко присѣдала, скромно выжидая, не взглянетъ ли на нее старушка, Сережа съ Алешей также тѣснились къ бабушкѣ, одна Зина поотстала въ горячности; она вмѣстѣ съ другими заглядывала въ картинку, улыбалась, принимала видъ довольный и веселый, но внутри ей было скучно; она досадовала на Сережу, зачѣмъ онъ не ей подарилъ картинку, и сердилась отчасти и на Лизу, потому что завидовала ей. Всѣ были радостны и веселы, и Зина старалась казаться веселой.

Отчего, одна и таже причина, такъ разно подѣйствовала на дѣтей? Оттого, что нравы разны; сердца простыя, добрыя, радуются другъ за друга; лукавыя же и себялюбивыя стараются захватить все для самихъ себя.

Къ несчастію въ Зиночкѣ и себялюбіе сильно развивалось.

— Бабушка, душечка, ты погляди, это ангелъ несетъ Лилиньку къ Богу, говорила Лиза, задыхаясь отъ радости.

Старушка сѣла, расправила на колѣняхъ картинку, свернутую трубочкой, и стала всматриваться въ изображеніе летящаго ангела, съ ребенкомъ на рукахъ.

— И цвѣточки–то наши Лиличка понесла къ Богу! закричалъ Миша, всплеснувъ руками.

— Гдѣ, гдѣ? Ахъ да! и въ самомъ дѣлѣ! посмотри, бабушка! кричали дѣти, указывая на большой снопикъ цвѣтовъ въ картинѣ.

Старушка, всматриваясь, что–то думала: она узнала картинку, старалась припомнить тотъ разсказъ, для котораго она была нарисована.

— И въ самомъ дѣлѣ, сказала бабушка, картинка эта очень походитъ на нашу малютку, но сдѣлана она для одного дѣтскаго разсказа, дѣтскаго писателя Андерсена.

— Пускай ужь это будетъ лучше наша Лили, умильно просила Лиза, Саша и Миша желали того же. Пусть это наши цвѣточки у ней будутъ, бабушка, да?

— Да, да, отвѣчала старушка, пусть это будетъ наша Лили.

— А ты, бабушка, знаешь про другую дѣвочку, за которой тоже прилеталъ ангелъ, спросила Саша, большая охотница до разсказовъ.

— Знала ли дѣтей, за которыми прилеталъ ангелъ? задумчиво проговорила бабушка, которая столькихъ дѣтей перехоронила, и помолчавъ немного, сказала: — я вамъ разскажу то, что говоритъ Андерсенъ объ умершихъ дѣтяхъ; но напередъ садитесь за работу.

Дѣти съ шумной радостью задвигали стульями, клубки покатились изъ торопливыхъ рученокъ, попадали спицы изъ чулокъ, но подъ степеннымъ надзоромъ старушки скоро все пришло въ порядокъ. Посидѣвъ и подумавъ немного, бабушка начала такъ:

«Переходъ младенца въ другой міръ.

«Когда дитя помираетъ, говоритъ Андерсенъ, то Господь посылаетъ ангела съ неба за душою ребенка. Ангелъ стоитъ надъ кроваткой и ждетъ когда бабочка спуститъ личинку, когда душа сброситъ тѣло, потомъ онъ беретъ ее на руки, крѣпко прижимаетъ къ себѣ и вылетаетъ съ нею изъ дома. Ангелъ носитъ душу надъ землею, показываетъ ей все что она любила; потомъ набираетъ съ нею любимыхъ цвѣтовъ малютки, и уноситъ съ собою на небо.

«Какихъ же мы съ тобой нарвемъ цвѣтовъ, спросилъ одинъ ангелъ у малютки, котораго только что взялъ съ земли. Дитя, какъ въ просонкахъ повернулось къ землѣ, летя надъ садомъ, гдѣ часто играло, увидало знакомый кустъ бѣлыхъ розъ съ надломанною вѣткой, она небыла красива, потому что листья на ней уже завяли, полураспустившіеся цвѣты поблекли, но ребенку стало жаль вѣточки и онъ потянулся къ кусту; ангелъ опустился, сорвалъ надломанную вѣтку, и съ поцѣлуемъ передалъ ребенку.

«Малюткѣ захотѣлось нарвать и другихъ любимыхъ цвѣтовъ своихъ и взять ихъ съ собою.

— И ландышей, бабушенька? спросила Мери, охотница до цвѣтовъ, особенно до душистыхъ.

— И жасминовъ, и розъ, и маленькихъ желтыхъ жасминовъ, перебивая другъ друга, кричали дѣти.

— Я бы взяла бѣлыхъ розъ, сказала Саша, но, вспомня красоту и яркость другихъ, прибавила: и желтыхъ и алыхъ, и красныхъ, но побольше взяла бы бѣлыхъ — ихъ я очень люблю!

Лина потихоньку сообщила Алѣ, что она взяла бы бѣлую лилію; но передъ Алею, жившей на просторѣ, въ деревнѣ, разстилался лужекъ, а въ частой, высокой травѣ его синѣли колокольчики, алѣлъ переплетаясь душистый горошекъ, блестѣла золотая медвянка, всѣ цвѣты перемѣшаны были въ пестротѣ, а надъ ними вились бабочки... Вдругъ сердце у Али дрогнуло: я знаю, какой ангелъ прилетитъ за мною, когда я помру, шепнула она сосѣдкѣ своей

Линѣ. Лина молча вопросительно поглядѣла на нее.

— Моя мама, проговорила дѣвочка.

— Ну, бабушка, душенька, вотъ они набрали много всякихъ цвѣтовъ и полетѣли, а тамъ что? нетерпѣливо спрашивала Саша.

Бабушка молча показала внучкѣ на брошенную ею работу; намекъ былъ понятъ, а бабушка продолжала: Набравъ всѣхъ любимыхъ своихъ цвѣтовъ, малютка отвернулся отъ земли, сказавъ: довольно будетъ; но ангелъ не подымался, онъ полетѣлъ въ самую бѣдную часть города, гдѣ, на тѣсномъ грязномъ дворѣ, между мусоромъ и всякимъ соромъ, лежали черепки горшка, съ комкомъ обсохлой земли, въ которой торчало нѣсколько сухихъ прутиковъ. Ангелъ спустился и бережно отдѣлилъ растенье отъ земли; на вопросъ ребенка за чѣмъ онъ беретъ сухую траву, ангелъ сказалъ, что засохшій цвѣтокъ этотъ былъ въ свое время единственной забавой и радостью одного бѣднаго ребенка, и за то теперь долженъ цвѣсти въ раю.

«Какого ребенка, участливо спросило дитя?

«Подымаясь съ земли, ангелъ указалъ малюткѣ на крошечное окно въ подвальномъ жильѣ, и унося малютку все выше и выше, расказывалъ ему слѣдующее: въ этомъ грязномъ и сыромъ подвалѣ жилъ мальчикъ, больной почти содня рожденія, только въ самые здоровые дни свои могъ онъ пройтись на костыляхъ по комнатѣ, или посидѣть на солнышкѣ, на полу, и то не на долго потому что солнышко заглядывало въ низенькое окошечко на очень короткое время. Не смотря на бѣдность, болѣзнь и одиночество, ребенокъ былъ очень терпѣливъ. Иногда забѣгалъ къ нему сосѣдскій мальчикъ, поиграть, расказывалъ бѣдняжкѣ, какъ хорошо на улицѣ, а еще лучше того въ полѣ, гдѣ солнышко свѣтитъ прямо, не изъ–за–крышъ, и свѣтитъ съ утра до вечера, разсказывалъ, какъ поютъ тамъ птички, какъ летаютъ онѣ съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево. Ребенокъ слушалъ, но мало понималъ, — онъ отроду не видывалъ деревьевъ. Однажды забѣжалъ

къ нему мальчикъ прямо съ гулянья и принесъ большую березовою вѣтку: бѣдняжка очень обрадовался душистой березкѣ, онъ все смотрѣлъ на липкіе, смолистые листочки, на длинныя сережки; трясъ вѣтку, подымая ее надъ головою и прислушиваясь къ шелесту листьевъ, воображалъ себя въ лѣсу. Радость товарища очень понравилась мальчику; со слѣдующаго же гулянья онъ принесъ цѣлую охабку цвѣтовъ и зелени, между которыми нашелся кустикъ, вырванный съ корнемъ; кустикъ этотъ посадили въ горшокъ, стали поливать, онъ принялся и разросся; каждую весну гналъ онъ новые побѣги и потомъ зацвѣталъ и цвѣлъ долго; больной мальчикъ самъ заботился о немъ, поливалъ переносилъ съ мѣста на мѣсто, гоняясь за солнышкомъ, потомъ на ночь опять переносилъ, и ставилъ у себя къ изголовью; и во снѣ не покидала его мысль о цвѣткѣ: ему снилось, что въ головахъ его изъ куста разростается большой садъ, что онъ тамъ гуляетъ, дышитъ чуднымъ воздухомъ, радуется на Божій міръ. Но мальчикъ

умеръ; годъ прошелъ съ того времени, горшокъ забыли поливать, цвѣтокъ засохъ, и вотъ его выкинули въ соръ; а между тѣмъ, полевой цвѣтокъ этотъ принесъ болѣе утѣхи ребенку, чѣмъ всѣ тепличные цвѣты барскихъ палатъ. Пусть же онъ за это, прибавилъ ангелъ, растетъ у насъ въ раю.

Бабушка продолжала: «Долго и внимательно вслушивался малютка въ ангельскія рѣчи, потомъ спросилъ: почемъ же ты знаешь, что это тотъ самый цвѣтокъ?

«Какъ же мнѣ не знать своего цвѣтка, сказалъ ангелъ, прижимая къ себѣ малютку, я вотъ самый больной ребенокъ, о которомъ я тебѣ разсказывалъ. Сказавъ это, онъ понесся еще быстрѣе и скоро въ радостномъ трепетѣ опустилъ младенца у колѣнъ Господнихъ.

Кончивъ разсказъ, бабушка откинулась на спинку креселъ и молча глядѣла на дѣтей, которыя тотчасъ принялись за опущенную работу: напряженное вниманіе нескоро улеглось; мысли ихъ, стремившіяся за улетающимъ ангеломъ, какъ будто

остановились въ высотѣ и не могли вдругъ опуститься на землю….

— Барышня, пожалуйте къ тетенькѣ, тетенька васъ зовутъ, проговорила старая нянечка.

— Къ Любѣ? живо спросила Саша.

— Нѣту, тамъ гостья съ барышней пріѣхали, такъ велѣли васъ всѣхъ позвать, говорила старуха, оправляя и охорашивая Сашу. Дѣти, будучи еще подъ вліяніемъ разсказа, неохотно встали; но такова дѣтская природа: какъ только они стали на ноги, такъ и пустились въ перегонку, другъ за дружкой; мальчики летѣли, какъ на конькахъ, скользя по гладкому паркету, и едва удержались на ногахъ около дверей гостиной; переведя духъ, они чинно вошли туда и раскланялись съ гостями. Всѣ окружили маленькую гостью, одѣтую, какъ рисуютъ дѣтей на модныхъ картинкахъ; картинка эта была ни кто другая, какъ Ниночка; въ ней и слѣда не было недавней ссоры, она улыбалась, участливо разспрашивала о работахъ, однимъ словомъ, была мила, на диво всѣмъ; а

между тѣмъ мать ея о чемъ–то горячо и убѣдительно говорила Софьѣ Васильевнѣ. Слова: поощреніе, соревнованіе, нравственное развитіе, дѣтская лотерея — заставили Алю попристальнѣе вслушиваться въ рѣчи Ниночкиной матери. Минутъ чрезъ пять она побѣжала къ бабушкѣ и торопливо стала просить ее не соглашаться на предложеніе Муромской. — Мы, бабушка, не хотимъ, пожалуй лучше, если вовсе не будетъ у насъ лотереи; мы не хотимъ такъ, мы всѣ тебя очень, очень просимъ, и не договоря чего именно дѣти не хотятъ, и чего просятъ, Аля чмокнула раза три бабушку и спѣшно выбѣжала изъ комнаты, потому что заслышала голосъ тетки; рѣзвымъ вѣтромъ пронеслась она по коридору мимо Софьи Васильевны.

Войдя въ гостиную, она быстро переглянулась съ Сережей, и дѣти поняли другъ друга. Какое–то ожиданіе сильно занимало всѣхъ, но какъ гости, такъ и маленькіе хозяева говорили о постороннихъ вещахъ, поглядывая на дверь, въ которую вышла Софья Васильевна.

— Ты, Миша, отчего не навѣстишь моего Луи, спросила Муромская, карантинъ его кончился, не бойся, корь не пристанетъ.

— Я ничего небоюсь, живо отвѣчалъ мальчикъ, я такъ просто не ѣду.

— Отчего же просто не ѣдешь, допытывалась Муромская.

— Оттого что съ нимъ скучно, онъ нѣженка, игрушекъ не даетъ смотрѣть, самъ играть и бѣгать не хочетъ, боится упасть и запачкать платье, я его....

Тутъ Миша нечаянно взглянулъ на Сережу и не договорилъ своего суда надъ маленькимъ Муромскимъ, который дѣйствительно былъ какимъ–то страннымъ явленіемъ среди русскихъ дѣтей; его одѣвали какъ рисуютъ на картинкахъ шестилѣтняго французскаго короля Людовика XV; вялый, болѣзненный ребенокъ еле–еле шевелился въ кругу рѣзвыхъ дѣтей, говорилъ охотнѣе французскія заученыя фразы, но на такъ называемые комплименты былъ мастеръ и охотникъ, и подавалъ матери своей большія надежды.

— Такъ что же ты его? допытывалась гостья; но Миша молчалъ, онъ понялъ предостереженіе брата.

— Тебѣ который годъ? спросила опять Муромская у Миши.

— Мнѣ скоро восемь, бойко отвѣтилъ мальчикъ, вскидывая голову, и гордо посматривая кругомъ.

— Видишь! а Луи всего только шесть, т. е. ему кажется минуло семь, вопросительно отнеслась она къ Ниночкѣ, вспомня, что всѣ эти дѣти праздновали у нихъ, мѣсяца два тому назадъ, день рожденія ея сына.

— Да это не оттого, что онъ маленькій, а ужь онъ всегда такой будетъ, сказалъ Миша, покачивая головою.

Дѣти боялись, чтобы Миша не сослался на ихъ мнѣніе, которое онѣ недавно такъ довѣрчиво высказывали другъ другу, но на счастье ихъ вошла Софья Васильевна; всѣ молча, съ напряженнымъ вниманіемъ обратились къ ней; она же, тихая и добрая, шла и думала, какъ бы ей мягче передать положительный отказъ свекрови.

— У старушки свои понятія о нравственномъ развитіи, сказала она, и я должна согласоваться съ ея волею: она положительно отказала мнѣ соединять маскарадъ съ лотереею для бѣдныхъ.

Муромская вспылила, обыкновенно сдержанный голосъ ея рѣзко зазвенѣлъ.

— Не понимаю, не понимаю, какъ это матушка ваша такъ мало заботится о поощреніи, нравственномъ развитіи, говорила она, прощаясь.

Софья Васильевна молчала, но слова старушки какъ будто еще раздавались въ ушахъ ея: «Ужь хоть бы не прикладывали онѣ грѣшныхъ рукъ своихъ къ нерукотворному дѣлу! Подстрекая и развивая въ дѣтяхъ самолюбіе, онѣ не знаютъ, что этимъ гнетутъ и уничтожаютъ нѣжные зачатки добра!»

Ниночка, по примѣру матери, также перемѣнила обращеніе и едва подала дѣтямъ на прощанье кончики пальцевъ, а мальчикамъ вовсе не поклонилась. Проводивъ гостей до передней и дождавшись, чтобы затворили сѣнную

дверь, дѣти запрыгали, захлопали въ ладоши, и бросились обнимать тетку, которая вовсе не ждала такого взрыва радости; затѣмъ дружной толпой побѣжали къ бабушкѣ, доработывать свой рабочій день, который, вопреки Мишинаго ожиданья, оказался не скучнымъ, а веселымъ днемъ.